

В ГОД 80-ЛЕТИЯ священной Победы все музеи подготовили соответствующие проекты. Не осталась в стороне и Третьяковская галерея, поэтому в здании на Крымском Валу сейчас проходит выставка "1418 дней", обращенная к великой битве. Собственно, это логическое продолжение экспозиции, что представлена в Историческом музее, но если там — документы, фотографии, хроника и ряд знаковых картин, то в Третьяковке — развёрнутое живописное полотно.

Калейдоскоп имён, стилей и впечатлений. Знаменитые произведения, вроде "Письма с фронта" (1947) Александра Лактионова, соседствуют с малоизвестными, которые не менее выразительны.

Встречает нас плакат Ираклия Тоидзе "Родина-мать зовёт!" (1941). Услышав первое сообщение Совинформбюро о нападении нацистской Германии на СССР, жена художника Тамара вбежала к нему в мастерскую с криком "Война!". Поражённый выражением её лица, художник приказал жене замереть и тут же принялся делать наброски. Тамаре было всего тридцать семь лет, но супруг изобразил женщину более старшего возраста. "Родина-Мать" вышла из печати в рекордно короткие сроки и сразу завоевала популярность как символ нестигаемой воли советского человека. За каждым изображением — частичка нашей коллективной биографии.

Многие картины сопровождаются сведениями о боевом пути художников. Например, Борис Неменский сформировался и вырос как мастер именно на фронте. Будучи девятнадцатилетним пацаном, он оказался в самом пекле, а фронтовой альбом — лучшее тому свидетельство. На выставке можно увидеть сразу три работы Неменского, написанные уже в мирное время. "Машенька" (1956) — гимн всем фронтовым медсёстрам. На картине мы видим двух девушек, но одна из них дремлет, и потому внимание устремлено к бодрствующей. Лицо её светится — и не только от лампы, а само по себе, как сияют лики ренессансных мадонн. Это — грёзы о счастье, которое наступит после войны. Сколько таких Машенок спасали воины? Несть им числа.

Картина "Земля опалённая" (1957) повествует о коротком отдыхе между сражениями. Автор сам очерчивал увиденное: "Земля искромсанная, превращённая почти в лунную поверхность, рассечённая насквозь зияющей раной окопа, уже потерявшая и небо, и покрывавшую её пашню... Лишь огоньки цигарок в руках солдат... Пляд родной земли... Замерло всё...". Мгновения вязкой тишины и полуобморочного беспамьяства. "Пожар стихал. Закат был сух. / Всю ночь, как будто, так и надо, / Уже не поражаю слух, / К нам долетала канонада" — писал Константин Симонов. Это в фильмах солдаты гутарят в окопах или же произносят патристические тексты, а война страшна ещё и тем, что не похожа на кинематографические, литературные представления о ней. Неменский — певец правды.

Натюрморт "Память Смоленской земли" (1983) — это преддверие сорокалетия Победы. Неменский обращается к символизму, не показывая ни людей, ни рвы, ни боевую технику. Всё спрессовывается до предметности — пробитая каска и треснувший чулок. Ратный подвиг неизвестного героя и чудом уцелевшая крестьянская посуда. Патетическое полотно Константиана Юона "Парад 7 ноября 1941 года" (1942) — знаковый сюжет, в котором воплотилась решимость победить. Войска,

прошедшие по Красной площади, тут же отправлялись на фронт. То была мистерия жизни, попирающей смерть. Художник явил суровость — хрустит под ногами рано выпавший снег, дымят трубы МО-ГЭС, и ощущение, что башни Кремля застыли навтыжку. Немцы под Москвой, но боевой дух не сломлен! "Зоя Космодемьянская" (1942—1947) Кукрыниксов — казнь вчерашней школьницы, проявившей такую выдержку, что это испугало и озадачило фрицев. Как могут нежные создания быть жёстко-непоколебимыми? На картине мы видим не только плачущих сограждан, но и врагов, которые ведут себя по-разному — наиболее циничные фотографируют (нацисты вообще любили фиксировать свои "подвиги", что и облегчило ведение дел на Нюрнбергском процессе), другие же стоят растерянные: им до сих пор непонятно, куда они пришли. Пруссаков ждёт позорная гибель, они ублюдки цивилизации. Тут же скульптура Генриха Манизера, изображающая Зою (1940-е гг.) и голова партизанки (1942) работы Веры Мухиной. "Шумел сурово брянский лес, / Спускались

ЗОВ ПАМЯТИ

Выставка «1418 дней» в Третьяковской галерее на Крымском Валу

синие туманы, / И сосны слышали окрест, / Как шли на битву партизаны", — поётся в знаменитой песне. Интересна картина "Портрет Лидии Осмоловской" Фёдора Модорова. Осмоловская — белорусская партизанка, была подпольщицей в Климовичах и участвовала в организации побегов военнопленных. Более того — устроилась секретарём к одному из высокопоставленных фашистов и сделала так, что он попал в партизанскую ловушку. Это была красивая, рисковая девчонка. Художник изобразил её в партизанском тулупе, с оружием, но завитую по моде. Разве возможно победить такой народ? К слову, сам Фёдор Модоров часто выезжал на фронт и в партизанские отряды, где написал более шестидесяти портретов. Хрестоматийная "Мать партизана" (1943) Сергея Герасимова — мощное, пафосное произведение. Босая женщина выступает, как вселенская мать, вышедшая на бой против сатаны. Примечательно, что немецкий офицер, несмотря на свою коррупентность, выглядит суетливо-жалким. Фашистские оккупанты всегда убоги, даже если за ними стоят нечислительные силы. Картина полна света, и эта солнечность — на контрасте с происходящим. И молодёжного партизана, и его мать ждёт неминуемая казнь. Однако эти герои попрали смерть, оставшись для нас вечно живыми.

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ породила целый пласт культуры. Вот портрет Дмитрия Шостаковича (1964). Автор картины Иосиф Серебряный запечатлел композитора в процессе сочинения им Ленинградской симфонии. В осаждённом городе на Неве в сентябре 1941-го были закончены первые три части, а финальная часть — уже в Куйбышеве в декабре того же года. Это поистине стахановский темп! Симфонию исполнили в блокадном Ленинграде 9 августа 1942

года. Из переполненного зала музыка транслировалась через громкоговорители и по радио. Примечательно, что её слушали и фашистские солдаты, окружившие город. О чём они думали, сказать сложно. Вероятно, о том, что в граде Петра живут и умирают не дикари, как вешал им Йозеф Геббельс, а как раз сверхчеловеки. Ещё в середине 1930-х идеи мировой революции с её неистовым космополитизмом сменились патристическими концепциями. На первый план вышли видимые деятели прошлого: русские государи — Иван Грозный и Пётр I, учёные, поэты и полководцы. В военную пору не было фигур актуальнее, чем Александр Невский. Художник Павел Корин пишет князя в фантазийном рыцарском облачении, опирающегося на меч и смотрящего вдаль — не покажется ли очередной ворог. На выставке показана лишь центральная и самая популярная часть триптиха (1942), созданного в очередную годовщину Ледового побоища. А здесь — античная драматургия, всплеснутая на холст. На картине Фёдора Богородского "Слава павшим героям"

(1945) изображён погибший белокурый воин, перед которым склоняются его товарищи, а пожилая мать выписана римской матроной в классической пурпурной накидке. Это — как храмовый или надгробный барельеф, торжество сталинского Большого стиля.

Война — это не только боль, смерть, подвиг, сверхусилие, но и повседневность, поэтому среди экспонатов — рисунки Леонида Сойфертиса и Александра Дейнеки, отображающие тыловую реальность: тут и школьники на перемене, и каток с хоккеистами, и московские улицы. А как же без шуток? Известная картина Юрия Непринцева "Отдых после боя" (1955) — это практически иллюстрация к поэме "Василий Тёркин". Балагур что-то рассказывает своим товарищам, а те весело смеются, словно забыв обо всём на свете. И буквально слышатся строки поэмы: "Вот ты вышел спозаранку, / Глянул — в пот тебя и в дрожь: / Прут немецких тыща танков..." / — "Тыща танков? Ну, брат, врётся". Но podobные минуты бывали редки, ибо ратный труд — жесток и горек.

Живописец Игорь Обросов написал "Встреча и провозага эшелоны" (1980) как воспоминание о матери, которая в годы войны работала военврачом. "Всё, что было не со мной, помню...", — как пелось в песне на стихи Роберта Рождественского. И Обросов помнил. Перед нами — доктора в ватниках и шинелях, накиннутых поверх белых халатов. Ждут поезда с ранеными. Хроническое недосыпание — это самое лёгкое из того, что испытали военные эскулапы.

ПАМЯТИ ПРЕДКОВ посвящена и "Шинель отца" (1970—1972) Виктора Попкова, хотя правильнее было бы назвать эту картину "Шинель тестя", ибо эта вещь принадлежала отцу жены художника и хранилась как настоящая реликвия. Сюжет в большей степени символичен,



«Письмо с фронта». Художник Александр Лактионов. 1947 г.

нежели обыденно-реален. Это благодарность победившему поколению отцов, всех отцов СССР. Осмысление подвига, желание понять, почувствовать: если бы не они — те ребята в шинелях, — ты бы здесь никогда не стоял, не писал бы свои картины, не метался бы из крайности в крайность. Остановись — опомнись, вспомни.

Такова же картина Сергея Шерстюка "Отец и я" (1983). Художник создал двойной портрет — по факту диптих: себя и отца в одном и том же возрасте. Это — констатация. Отец-одногодок выглядит взрослее и умнее. Благодарнее. И дело не в форме, которая раскрывает любого мужчину. Он — видел, а ты даже и понять себя до конца не смог. Потому — преклоняйся перед отцами, заслужившими право на чистое небо и возможность творить.

Юрий Пименов представил картину "Военный хлеб. 1941 год" (1972—1973). У мастера есть несколько подобных работ-воспоминаний о военной године, когда он, находясь в Москве, работал в "Окнах ТАСС". Пименов изобразил очередь за хлебом осенью 1941 года, когда в столице было крайне тревожно: немцы в свои поле-

вые бинокли уж видели кремлёвские звёзды, заранею праздную триумф, а провокаторы вбрасывали информацию, что город вот-вот сдадут противнику. Было студёно и жутко. Это и отобразил Пименов.

До дрожи красноречив "Конек" (1947—1948), созданный Кукрыниксами. Уродливо-карикатурный Гитлер словно бы почувствовал удавку на своей тонкой шее. Его генерал, чьи предки наверняка водили в бой кавалерию Фридриха Великого, сидит, полностью оцепенев. Вероятно, думает лихорадочно: "Как его, аристократа, занесло в эту компанию?" Кто-то уж валяется пьяным. Зверьё в своём логове.

Бездарный и пошлый финал, который начинался пафосными речами да мистерией факельных шествий. Так будет с каждым, кто лезет в чужие пределы со своей расовой или ещё какой-нибудь пнусой теорией. Это надо помнить, и выставка в Третьяковке — тому прекрасное подтверждение. Победа — не дата в календаре, это — сердце народа.

Галина ИВАНКИНА

ПИСАТЕЛЬ Антуан де Сент-Экзюпери (полное имя — Антуан Мари Жан-Батист Роже де Сент-Экзюпери, 29 июня 1900 г. — 31 июля 1944 г.) и его творчество чаще всего входят в нашу жизнь ещё в детстве — вместе со сказочной историей Маленького принца, обитателя затерянного в космосе астероида В-612, беседующего на Земле с пилотом, который совершил вынужденную посадку на своём самолёте в пустыне Сахара. Многие отрывки из этой истории, можно сказать, стали достоянием всего человечества, включая и нашу страну, наш язык и культуру: "Все мы родом из детства", "Ты навсегда в ответе за тех, кого приручил", "Зорко одно лишь сердце. Самого главного глазами не увидишь" и "Есть такое твёрдое правило: встал поутру, умылся, привёл себя в порядок — и сразу же приведи в порядок свою планету". Чуть позже из других книг того же автора мы узнаём, что "...любовь состоит не в том, чтобы не открывать друг от друга глаз, а в том, чтобы смотреть вместе в одном направлении", что "жить — значит медленно рождаться" и что "смысл жизни — в том, на что она потрачена".

Умение создавать подобного рода формулы — отличительный признак любого истинного мастера слова. Конечно, сводить значение писателя только к созданию таких шедевров афористики было бы недопустимым упрощением: не менее важна сама

профессии нередко совмещались) Габриэль Вроблевски. В этой связи стоит подчеркнуть, что первый самолёт братьев Райт поднялся в воздух всего лишь за неполный десяток лет до этого — в 1903 году.

Что важно, первый полёт будущего писателя и лётчика состоялся во многом благодаря матери, Мари Буйе де Фонколлоб (1875—1972 гг.), роль которой в его жизни невозможно переоценить. Ведь отец, Мартин-Луи Жан де Сент-Экзюпери, скончался, когда Антуану было всего четыре года, а в 17 лет будущего писателя постигла ещё одна утрата — смерть любимого младшего брата Франсуа (1902—1917 гг.), так что мать навсегда осталась самым близким для него человеком, к тому же — стоявшим у его входа в мир авиации, который тогда представлял собой синтез самых передовых, "продвинутых", технологий с романтикой первооткрывателей новых, воздушных, пространств.

щих стран Антанты, победившей в Первой мировой войне, находилась на вершине своего процветания. И её авиатранспортный бизнес стремительно расширился: начав с доставки почты между Францией и её ключевой африканской колонией Сенегалом, "Аэропосталь" расширила сферу своей деятельности сначала на всю Африку, а затем и на обе Америки, Северную и Южную. В 1926 году опытного пилота Сент-Экзюпери назначили начальником аэродрома Кап-Джуби на краю пустыни Сахара, где местные жители туарег дали ему прозвище Капитан птиц. В 1929 году он вернулся во Францию, где поступил на высшие авиационные курсы морского флота, получил направление на руководящую работу филиала "Аэропостали" в Аргентине и опубликовал свой первый роман "Южный почтовый", наполненный впечатлениями трёх лет работы на маршруте Тулуза — Ка-

асами люфтваффе для "переломанного" в полтора десятках авиакатастроф знаменитого писателя было бы совершенно неоправданным риском. Но он снова и снова поднимался в небо и погиб во время очередного разведывательного полёта с базы на Корсике. После обнаружения и идентификации остатков его самолёта на дне Средиземного моря (это случилось только в 2003 году, а за пять лет до этого недалеко от Марселя в рыбачике сети попал серебряный браслет писателя) ответственность за сбитие взял на себя бывший лётчик люфтваффе Хорст Рипперт (старший брат певца Ханса-Рольфа Рипперта, более известного под сценическим псевдонимом Иван Ребров), хотя объективных и документальных свидетельств в пользу этой версии не было обнаружено, и более вероятной считается техническая неисправность самолёта (распространены также версии о личном решении писателя свести счёты с жизнью, но они остаются в статусе гипотез). Уже после смерти Сент-Экзюпери, в 1948 году, была издана его неоконченная книга "Цитадель" (на основе рукописных черновиков и диктофонных записей).

ИЗЛОЖЕННЫЕ ВЫШЕ биографические моменты полностью согласуются с той атмосферой чистого гуманизма, которой дышит всё литературное творчество Антуана де Сент-Экзюпери, отрицавшего возможность любой "единственно правильной" для всех стран, времён и народов идеологии. "Если на этой почве, а не на какой-либо другой апельсиновые деревья пускают крепкие корни и приносят щедрые плоды, значит, для апельсиновых деревьев эта почва и есть истина. Если именно эта религия, эта культура, эта мера вещей, эта форма деятельности, а не какая-либо иная дают человеку ощущение душевной полноты, могущества, которого он в себе и не подозревал, значит, именно эта мера вещей, эта культура, эта форма деятельности и есть истина человека", — писал он в своей книге "Планета людей".

В творчестве Сент-Экзюпери почти каждый читатель может обнаружить близкое и родное своей душе — возможно, то самое, что, как все мы, "родом из детства". Кстати, прообраз своего Маленького принца в лице ребёнка польских шахтёров писатель обнаружил "по пути в Советский Союз" и описал в одноимённом репортаже 1935 года: "Ах, какое восхитительное лицо! У этих трудяг родилось совершенство грации и обаяния. Вот он, маленький Моцарт, вот оно, прекрасное обещание жизни, маленький принц из древних легенд. Кем бы мог вырасти этот ребёнок, если бы его защищали, пестовали и взращивали? Если в саду рождается прекрасная роза, все садовники радуются и оберегают её. Но нет садовников для людей, и этот маленький Моцарт, скорее всего, обречён". Немецкий философ Мартин Хайдеггер называл "Маленького принца" главным произведением экзистенциализма. Не могу сказать, насколько подобное утверждение соответствует истине, но в общении главного героя этой сказочной повести со змеей можно найти очень много континантий с известной библейской легендой о грехопадении человека — и вполне ошутимый спор с ней, соответствующий "внутренней религии" писателя.

Наши литературоведы нередко соотносят Антуана де Сент-Экзюпери с его фактическим тёзкой (оба были названы в честь христианского святого III–IV вв. Антония Великого) Антоном Павловичем Чеховым, тоже прожившим 44 года, тем более у этих писателей можно найти общие для них мысли, например, "Искусство писать есть искусство сокращать" (А.П. Чехов) и "Совершенство достигается не тогда, когда уже нечего прибавить, но когда уже ничего нельзя отнять" (Антуан де Сент-Экзюпери), хотя "по капле выдавливать из себя раба", как Антону Павловичу, французскому потомственному аристократу в жизни не приходилось, и он, как предстает, вполне соответствовал известной чеховской максиме: "В человеке должно быть всё прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли". Но прекрасное, как отметил Сент-Экзюпери, — только обещание жизни, которое чаще всего обречено не сбыться. Возможно, тоска по этим несбывшимся прекрасным обещаниям жизни и есть то главное, что оставил мировой культуре автор "Маленького принца".

Георгий СУДОВЦЕВ



атмосфера его произведений, и в неё, по большому счёту, входят и личность автора, и обстоятельства его биографии. С которыми в случае Антуана де Сент-Экзюпери никаких вопросов и даже разночтений не возникает — редкий для литературы случай. Урождённый граф, потомок "сеньоров Сен-Жермен в Лимузене и Мирмонта в Оверни" с родословной из XIII столетия, он вёл линию своей жизни — по земле и по воздуху — твёрдой рукой аристократа, который, похоже, нашёл в самолётах реинкарнацию в XX веке рыцарских коней, способных предоставить своему всаднику-пилоту высшие степени свободы. Собственно, летать для него и означало жить ("Сначала — жить, писать — потом", — сформулировал он своё кредо в одном из писем 1920-х годов). Лицензию пилота он получил в 1922 году, будучи военнослужащим 2-го полка французской истребительной авиации (в составе рабочей команды ремонтных мастерских), а впервые оторвался от земли вообще двенадцати лет от роду: его прокатил — сейчас утверждается, что на своём моноплане LBerthaud-W — польский лётчик (и авиаконструктор, тогда эти

ПЕРВАЯ авиакатастрофа (и столкновение с землёй) случилась с младшим лейтенантом французских ВВС Антуаном де Сент-Экзюпери в 1923-м. В результате он был комиссован по состоянию здоровья (черепно-мозговая травма), оказался вне полётов и пытался занять себя чем-то другим. К этому периоду жизни относятся его первые опыты в литературе и журналистике (ещё с детства он, будучи учащимся иезуитского колледжа Сент-Круа, привык общаться с близкими, особенно с матерью, посредством писем). Но никаких успехов в этой сфере он тогда не достиг и был нескладно обрадован возможностью благодаря более-менее восстановленному здоровью снова вернуться в стихию полётов, пусть уже в качестве не военного, а гражданского пилота Главной компании по аэроперевозкам (впоследствии — "Аэропосталь").

Те годы вошли в историю как "ревуэции 20-е" — эпоха послевоенного экономического бума с быстрым расширением технических возможностей и глубокой трансформацией социальной структуры человеческого общества. Франция, одна из веду-